

Рагулин А.В.

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОБ АДВОКАТУРЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИИ В ЧАСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

Цель: Выявление коллизий между законодательством об адвокатуре и уголовно-процессуальным законодательством России по вопросам, связанным с регламентацией профессиональных прав адвоката-защитника, и формирование рекомендаций по их преодолению.

Методология: Использовались формально-юридический метод и метод теоретического моделирования.

Результаты: Автором сформулированы предложения по разрешению коллизий между законодательством об адвокатуре и уголовно-процессуальным законодательством России применительно к таким профессиональным правам адвоката-защитника, как право на непосредственное участие в процессе доказывания, право на привлечение специалиста, право на беспрепятственные встречи с доверителем, право фиксировать информацию, содержащуюся в материалах уголовного дела, право совершать иные действия, не противоречащие законодательству, и др. Формулируется основное правило преодоления коллизий между законодательством об адвокатуре и уголовно-процессуальным законодательством России, согласно которому при определении объема и содержания профессиональных прав адвоката-защитника правоприменителям необходимо руководствоваться положением о приоритете норм законодательства об адвокатуре.

Новизна/оригинальность/ценность: Статья обладает высокой научной ценностью и имеет практическую значимость, поскольку является одной из первых попыток рассмотреть вопрос о преодолении коллизий между законодательством об адвокатуре и уголовно-процессуальным законодательством России.

Ключевые слова: адвокатура, уголовный процесс, законодательство, коллизии, преодоление коллизий, профессиональные права адвоката.

Ragulin A.V.

CONTRADICTIONS BETWEEN THE LEGISLATION ON LEGAL PROFESSION AND THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIA REGARDING A REGULATION OF PROFESSIONAL PRIVILEGES OF THE ADVOCATE-DEFENDER AND THEIR OVERCOMING

Purpose: Identification of collisions between the legislation on legal profession and the criminal procedure legislation of Russia on the questions connected with a regulation of professional privileges of the advocate-defender and their overcoming.

Methodology: Formal-legal method and method of theoretical modeling were used.

Results: The author formulated offers on permission of collisions between the legislation on legal profession and the criminal procedure legislation of Russia in relation to such professional privileges of the advocate-defender as the right for direct participation in proof process, the right for involvement of the expert, the right for free meetings with the principal, the right to fix information containing in materials of criminal case, the right to make other actions which are not contradicting the legislation, etc. The basic rule of overcoming of collisions between the legislation on legal profession and the criminal procedure legislation of Russia according to which it need to be guided by the provision on a priority of standards of the legislation on legal profession is formulated.

Novelty/originality/value: Article possesses high scientific value and has the practical importance as is one of the first attempts to consider a question of overcoming of collisions between the legislation on legal profession and the criminal procedure legislation of Russia.

Keywords: legal profession, criminal procedure, legislation, collisions, overcoming of collisions, professional privileges of the advocate-defender.

Латинский термин «collisio» в юридической литературе трактуется как столкновение противоположных сил, стремлений или интересов. Исходя из этого, под юридическими коллизиями следует понимать расхождение или противоречие между отдельными нормами, актами, регулирующими одни и те же или смежные общественные отношения, а также противоречия, возникающие

в процессе правоприменения и осуществления государственными органами и должностными лицами своих полномочий [55].

В литературе обоснованно обращается внимание на существование значительного количества коллизий между положениями ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) и

процессуальным законодательством и отмечает, что они имеют место в связи с тем, что отраслевое законодательство не отражает специфику адвокатской деятельности, и при этом должностные лица игнорируют нормы специального законодательного акта, в которых эта специфика отражена, и руководствуются только нормами отраслевых кодексов и законов [8, 40].

Выделяется два основных способа разрешения коллизий: устранение коллизий, предполагающее разрешение коллизий окончательно, а также преодоление коллизий, т. е. разрешение их в конкретном случае в процессе правоприменительной деятельности.

Устранение коллизий возможно на законодательном уровне путем отмены одной или всех конфликтующих норм либо изменения одной или всех коллизирующих норм таким образом, чтобы они не вступали в конфликт, или путем устранения пробельности закона.

Для преодоления коллизий необходимо создание коллизионного механизма, состоящего из системы коллизионных предписаний, с помощью которых правоприменитель может преодолеть любую разновидность коллизий в праве [31].

Приоритетной формой следует считать устранение коллизий именно на законодательном уровне, а пока этого не сделано, их следует устранять на уровне правоприменения, при этом следует использовать систематическое толкование положений соответствующих правовых актов [58].

Согласно положениям ч. 1 ст. 4 Закона об адвокатуре, законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре состоит из настоящего Федерального закона, других федеральных законов, принимаемых в соответствии с федеральными законами нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти, регулирующих указанную деятельность, а также из принимаемых в пределах полномочий, установленных настоящим Федеральным законом, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

В то же время отечественное процессуальное законодательство содержит положения о его приоритетности над иными нормами федерального законодательства. Так, например, согласно ст. 7 УПК РФ суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему Кодексу (ч. 1); суд, установив в ходе производства по уголовному делу несоответствие федерального

закона или иного нормативного правового акта настоящему Кодексу, принимает решение в соответствии с настоящим Кодексом (ч. 2). Содержание ст. 7 УПК РФ обуславливает существующую в правоприменительной практике проблему, при которой положения Закона об адвокатуре не применяются в случае, если они, по мнению следователя, прокурора или судьи, противоречат положениям УПК РФ.

Вместе с этим в юридической литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что поскольку положения процессуального законодательства являются нормативно-правовыми актами общего характера, а Закон об адвокатуре является равным по юридической силе нормативно-правовым актом специального назначения, в силу правил конкуренции правовых норм общего и специального характера должны применяться нормы, содержащиеся в специальном законе, т. е. нормы, установленные Законом об адвокатуре [19]. Аналогичная позиция была высказана специалистами в области теории права: «...при коллизии между общим и специальным актом, если они приняты одним органом, то применяется последний» [30].

Основываясь на позиции о приоритете «специального» закона над «общим», Конституционный Суд РФ в своем Определении от 8 ноября 2005 г. № 439-О отметил, что «приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед другими федеральными законами не является безусловным. В частности, он может быть ограничен правилами о том, что в случае коллизии между различными законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений. Более того, о безусловном приоритете норм уголовно-процессуального законодательства не может идти речь и в случаях, когда в иных (помимо Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющего общие правила уголовного судопроизводства) законодательных актах устанавливаются дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные, в том числе, их особым правовым статусом. Разрешение же в процессе правоприменения коллизий между различными правовыми актами должно осуществляться, исходя из того, какой из этих актов предусматривает больший объем прав и свобод граждан и устанавливает более широкие их гарантии» [4]. Аналогичная позиция изложена и в Определении КС РФ от 21 октября 2008 г.

№ 673-О-О [4]. На основании вышеизложенного, нормы Закона об адвокатуре являются исходным началом для определения правовых основ и последующей реализации профессиональных прав адвоката-защитника. Поэтому при возникновении различного рода коллизий, в случае если в УПК РФ установлен меньший, чем в Законе об адвокатуре, объем прав адвоката-защитника, правоприменителям необходимо руководствоваться положением о приоритете норм Закона об адвокатуре.

Приведенная выше правовая позиция, сформулированная Конституционным Судом РФ, должна применяться и в отношении положений КоАП РФ, ГПК РФ и АПК РФ. Вместе с этим, учитывая позицию Конституционного Суда РФ, представляется необходимым внесение дополнений в положения процессуального законодательства, с тем, чтобы его нормы позволяли адвокатам в полной мере использовать положения Закона об адвокатуре в ходе осуществления практической деятельности. В то же время, если положения соответствующих актов расширяют профессиональные права адвоката [48, 49, 50] или иным образом улучшают его процессуальное положение по сравнению с Законом об адвокатуре, применению подлежат соответствующие процессуальные нормы.

Анализ юридической литературы и практики осуществления адвокатской деятельности показывает, что основные противоречия между положениями УПК РФ и Закона об адвокатуре лежат в сфере обеспечения гарантий независимости адвоката и правовой регламентации профессиональных прав адвоката-защитника.

1. В соответствии с ч. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения.

Наиболее ярко несоблюдение установлений ч. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре проявляется при проведении в помещении адвокатского образования так называемого «обыска в случаях, не терпящих отлагательства». В литературе по этому поводу отмечается, что установленное ч. 5 ст. 165 УПК РФ право следователя в исключительных случаях, когда осмотр жилища, обыск и выемка в жилище, а также личный обыск не терпят отлагательства, производить такие следственные действия на основании постановления без получения судебного решения с последующим уведомлением о таком

действии судьи в отношении адвоката недопустимо, поскольку Закон об адвокатуре содержит императивную норму о получении предварительного разрешения суда на совершение следственного действия в отношении адвоката [11, 53]. Эта же позиция нашла свое отражение в определениях Конституционного Суда РФ, согласно которым положения статей 7, 29 и 182 УПК РФ в их конституционно-правовом истолковании, вытекающем из сохраняющих свою силу решений КС РФ, и в системном единстве с положениями п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре не предполагают возможность производства обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования без принятия об этом специального судебного решения [34]. Таким образом, обыск в жилище адвоката, как и обыск в помещении адвокатского образования, во всех случаях должен сопровождаться предварительным судебным санкционированием, в противном случае он должен быть признан незаконным со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями.

Между тем в литературе отмечается [10], что в ч. 2 ст. 29 УПК РФ, в которой представлен исчерпывающий перечень проводимых в досудебном производстве по решению суда принудительных действий, не указывается на производство обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования, что, несмотря на приведенное выше Определение КС РФ, на практике способствует распространению случаев производства обыска в помещении адвокатских образований без наличия специального судебного решения, вынесенного по этому поводу [1, 22, 23, 24, 25, 32].

Поскольку существует устойчивая тенденция игнорирования должностными лицами (на основании п. 1 ст. 7 УПК РФ) соответствующих норм Закона об адвокатуре, то адвокатский иммунитет и нерушимость адвокатской тайны необходимо обеспечить при помощи внесения изменений и дополнений в соответствующие нормы УПК РФ. Только в этом случае появится возможность преодолеть существующие пороки правоприменительной практики [40].

2. В соответствии с ч. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей. Указанные ограничения не распространяются на орудия преступления, а также на

предметы, которые запрещены к обращению или оборот которых ограничен в соответствии с законодательством РФ.

Понятие «производство адвоката» является синонимом по отношению к терминам «адвокатское досье», «адвокатское производство», и можно определить его как совокупность сведений (выраженных на материальных и иных носителях), предметов и документов, полученных адвокатом в связи с оказанием юридической помощи своему доверителю [5]. Несмотря на положения Закона об адвокатуре, в нормах УПК РФ, регламентирующих основания и порядок признания доказательств недопустимыми, не имеется указания на обстоятельства, приведенные в ч. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре, что, как показывает изучение материалов правоприменительной практики, существенным образом усложняет реализацию положений соответствующей нормы [45, 46].

Определенной преградой на пути к признанию доказательств недопустимыми является законодательная конструкция, употребленная в ч. 1 ст. 75 УПК РФ, согласно которой «доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми». В ч. 2 ст. 75 УПК РФ указано, что к недопустимым доказательствам относятся «показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде, показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса».

Очевидно, что использованная законодательная конструкция позволяет признать полученные в ходе ОРМ или следственных действий сведения, предметы и документы в качестве доказательств обвинения даже в случаях, когда они входят в производство адвоката по делам его доверителей, поскольку в ст. 75 УПК РФ идет речь лишь о нарушениях норм УПК РФ при собирании доказательств, а о возможности признания недопустимыми доказательств, полученных с нарушением ч. 3 ст. 18 Закона об адвокатуре или любого другого закона, в ней речь нет. Полагаем, что данная коллизия должна быть устранена.

3. В соответствии с ч. 2 ст. 8 Закона об адвокатуре адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за

юридической помощью или в связи с её оказанием. Несмотря на кажущуюся однозначность возможного толкования вышеприведенного положения, реализация его на практике сопряжена со значительным количеством сложностей.

На основании п. 2 и 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ не подлежат допросу в качестве свидетелей: адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с её оказанием, а также адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи.

Нетрудно заметить, что в то время как на основании ст. 8 Закона об адвокатуре следует прийти к выводу о незаконности как допроса адвоката (в том числе адвоката-защитника), так и его вызова на допрос, исходя из содержания ст. 56 УПК РФ следует, что вызов на допрос как адвоката-защитника, так и адвоката, может быть осуществлен.

Вместе с этим, исходя из содержания ч. 1 ст. 56 УПК РФ, статус свидетеля связан не только с тем, что лицу могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, но и с вызовом для дачи показаний. Таким образом, получается, что вызов лица на допрос уже придает ему статус свидетеля, а вызов адвоката на допрос, как мы уже отметили, УПК РФ не запрещен.

Вышеописанное рассогласование между Законом об адвокатуре и УПК РФ повлекло то, что факты вызовов и допросов адвокатов (в том числе адвокатов-защитников) по уголовным делам в отношении их доверителей, а затем их отстранение от участия в защите по уголовному делу в последнее время стали распространенным явлением [7].

Проблемы, связанные с вызовом и допросом адвоката (в том числе и адвоката-защитника) в качестве свидетеля, неоднократно становились предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, в результате чего были сформированы следующие правовые позиции. В п. 6 Постановления Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П указано: «Из неотъемлемого права каждого человека на защиту себя и своих близких, права каждого человека не свидетельствовать против самого себя и не быть принуждаемым к даче таких показаний вытекает, что, как в части 1, так и в части 2 статьи 51, в число лиц, которые освобождаются от обязанности давать свидетельские показания, включаются те, кто обладает доверительной информацией, будь то в силу родственных связей или по роду своей профессиональной деятельности (адвокат, священник и т. д.)» [42].

Адвокат, независимо от времени и обстоятельств получения конфиденциальной информации в процессе профессиональной деятельности в рамках отношений с клиентом по оказанию ему квалифицированной юридической помощи, не может быть допрошен в качестве свидетеля. Возможность принудительного допроса в качестве свидетеля адвоката, допущенного в качестве защитника по уголовному делу, является незаконной и влечет признание нарушения права обвиняемого на защиту. Эту позицию занял Конституционный Суд РФ в Определении № 128-О от 6 июля 2000 г. [33].

Таким образом, адвокат-защитник, исполняющий соответствующие обязанности, не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля.

Вместе с этим, положения п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, освобождающие адвоката от обязанности свидетельствовать о ставших ему известными обстоятельствах в случаях, когда это вызвано нежеланием разглашать конфиденциальные сведения, не исключают права адвоката-защитника (прекратившего исполнение обязанностей защитника) дать показания по уголовному делу, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений, полученных в связи с оказанием юридической помощи, но при условии изменения впоследствии его статуса и соблюдения прав и законных интересов доверителя [38].

Эта позиция КС РФ нашла свое развитие в Определении от 16 июля 2009 г. № 970-0-0 по жалобе гр-на А.М. Гаврилова. В нем КС РФ указал, что суд вправе допрашивать адвоката относительно нарушений УПК РФ, имевших место при проведении предварительного расследования, поскольку «такие сведения не могут рассматриваться как адвокатская тайна» [36]. Аналогичное мнение высказано в Определении Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2010 г. № 1147-О-О [37]. Представляется, что последовательность Конституционного Суда РФ должна способствовать формированию единства правоприменительной практики.

Таким образом, адвокат, продолжающий оказывать доверителю юридическую помощь, а также адвокат-защитник, исполняющий данную функцию, несмотря на положения УПК РФ, не может быть ни вызван, ни допрошен в качестве свидетеля. Адвокат-защитник, прекративший исполнять соответствующую функцию, и адвокат может быть допрошен в качестве свидетеля по ходатайству его бывшего доверителя (и) или подзащитного при наличии согласия самого адвоката на дачу показаний в качестве свидетеля.

4. Анализ действующего законодательства позволяет выделить в числе профессиональных прав адвоката-защитника право на допуск к участию в уголовном судопроизводстве по конкретному уголовному делу при предъявлении удостоверения адвоката и ордера (ч. 3 и 5 ст. 15 Закона об адвокатуре, ч. 2 и 4 ст. 49 УПК РФ).

Согласно ч. 1 и 2 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по их поручению или с их согласия. По просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом. При этом в УПК не конкретизируется, когда и каким именно образом должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, обеспечивают явку защитника, о вызове которого заявляет просьбу подозреваемый (обвиняемый). Таким образом, УПК РФ не содержит в себе четко прописанного механизма реализации права лица на приглашение защитника и, как следствие, права адвоката-защитника на вступление в уголовное дело.

Очевидно, что для вступления в уголовный процесс и для реализации предоставленных ему профессиональных прав защитник должен быть заранее уведомлен о задержании его подзащитного, месте его нахождения, месте и времени производства следственных действий, чтобы иметь возможность до их начала встретиться со своим подзащитным, а также спланировать свое рабочее время. Кроме того, правоприменительной практике известны случаи проведения следственных действий без участия защитника, о приглашении которого ходатайствует подозреваемый (обвиняемый) [47], а также случаи сокрытия от адвоката-защитника места нахождения его подзащитного, что является грубейшим нарушением ст. 16, 47, 49, 50, 51 УПК РФ [3, 54].

В силу положений, установленных приведенными выше статьями УПК РФ, лицо, ведущее производство по уголовному делу, должно создать все необходимые условия для работы адвоката-защитника, а именно: сообщить о задержании и месте нахождения его подзащитного, уведомить о времени и месте производства следственных действий, в которых тот вправе участвовать, а в случаях, когда адвокат в намеченное время занят в другом деле, по согласованию с ним перенести следственное действие на другое время и (или) дату. Несмотря на то, что прямого указания в тексте УПК о подобном уведомлении следователем адвоката-защитника нет, в одном из своих постановлений Верховный суд РФ указал, что о

предстоящих следственных действиях защитник должен быть заранее извещен [13, 14, 55].

Уведомление защитника о времени и месте производства следственных действий следует рассматривать как обеспечение ему возможности осуществить свое право на участие в доказывании по делу, при этом, как правильно отмечается в литературе, закон не устанавливает каких-либо условий (например, в виде ходатайств или заявлений защитника) для выполнения следователем своей обязанности [29]. Представляется необходимым указание в ст. 49 УПК РФ на обязанность заблаговременного уведомления защитника, избранного подозреваемым (обвиняемым), о необходимости приступить к участию в уголовном деле.

5. Важной проблемой, активно обсуждаемой в научных работах и в среде практикующих юристов, является поиск ответа на вопрос о том, что же именно в ходе своей защитительной деятельности собирает и представляет адвокат-защитник: доказательства или доказательственную информацию. Анализ исследований, посвященных этим проблемам, позволил выделить две основные точки зрения по данному вопросу:

1. Адвокат имеет право самостоятельно собирать доказательства.

2. Адвокат собирает лишь сведения, служащие информационной основой для дальнейшего формирования доказательств.

Представляется, что истоки спора о том, вправе ли адвокат-защитник собирать доказательства, лежат в противоречивости содержащихся в УПК РФ и Законе об адвокатуре нормативных положений. Согласно ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В качестве доказательств допускаются показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы.

В соответствии с п. 2–3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ адвокат имеет право собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном ч. 3 ст. 86 УПК РФ.

Содержание ч. 3 ст. 86 УПК РФ позволяет говорить о том, что защитник вправе собирать дока-

зательства путем: получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Положения ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре позволяют констатировать, что адвокат вправе:

1) собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также общественных объединений и иных организаций;

2) опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь;

3) собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

4) привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи.

Анализ вышеприведенных норм позволяет прийти к следующим выводам:

1. В ст. 53 УПК РФ указано, что адвокат имеет право собирать и представлять доказательства по правилам, описанным в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, однако согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ адвокат вправе лишь собирать доказательства, а о праве адвоката представлять их в этой статье закона ничего не говорится.

2. Законодатель не установил процессуальный порядок производства действий адвоката, описанных в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, по собиранию и представлению доказательств.

3. В Законе об адвокатуре, в отличие от УПК РФ, не упоминается о праве адвоката собирать доказательства, а говорится о праве собирать сведения и собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, в порядке, установленном законодательством РФ.

Несмотря на наличие вышеуказанных рассуждений, практика адвокатской деятельности показывает, что предусмотренные в российском законодательстве способы собирания адвокатами доказательственной информации используются достаточно широко, хотя правоприменительная

практика показывает, что адвокат фактически не имеет права собирать доказательства, но имеет возможность собирать информацию об источниках доказательств, которая после её процессуальной проверки путем проведения следственных действий может быть признана доказательством.

Учитывая изложенное, следует предложить следующие варианты решения проблемы регламентации профессионального права адвоката на непосредственное участие в доказывании.

Первый вариант заключается в закреплении в положениях действующего законодательства норм, регламентирующих процессуальный порядок собирания и представления адвокатом доказательств, а также в указании в них на то, что адвокат имеет право представлять доказательства. Этот вариант решения рассматриваемой проблемы позволит адвокату-защитнику собирать и представлять доказательства, которые не требуют дополнительной процессуальной проверки, но, разумеется, требуют своей оценки в совокупности с другими доказательствами.

Второй вариант разрешения рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, наиболее оптимальный в современных условиях, может заключаться в приведении п. 2–3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ и ч. 3 ст. 86 УПК РФ в соответствие с положениями ст. 6 Закона об адвокатуре, т. е. в изложении этих норм таким образом, чтобы в них указывалось не на право адвоката собирать (представлять) доказательства, а на право адвоката собирать доказательственную информацию, которая по ходатайству адвоката может быть предоставлена следователю (дознавателю) и суду для проверки и процессуального закрепления.

Оптимальным является именно второй вариант, потому что он не потребует коренной перестройки положений УПК РФ и правоприменительной практики, поскольку, согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ, среди источников доказательств в УПК РФ не упоминается ни опросов лиц, ни предметов и документов, собранных и представленных адвокатом-защитником. Есть лишь показания лиц, происхождение которых основано на производстве следственных действий, и вещественные доказательства, которыми признаются предметы только в случае, если они исследовались следователем и приобщены к делу его специальным постановлением (ст. 81 УПК РФ). Существуют и «иные документы», которые, исходя из текста УПК РФ, приобщаются к делу лишь по усмотрению должностного лица, осуществляющего процедуру судопроизводства (ст. 84 УПК РФ). Кроме того, в случае придания материалам, собранным

адвокатами, статуса доказательств приоритет в любом случае будет отдан доказательствам, собираемым следователем или дознавателем.

Вместе с этим, согласно ст. 159 УПК РФ, защитнику не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых он ходатайствует, имеют значение для данного уголовного дела. Эта норма в настоящее время является единственной гарантией того, что доказательственная информация, положенная в основу соответствующего ходатайства адвоката-защитника, будет использоваться в доказывании по уголовному делу. Несмотря на наличие этой нормы, злободневной проблемой является игнорирование её положений должностными лицами, осуществляющими производство по делу. Так, более 60 % из 500 опрошенных нами адвокатов указали, что они иногда сталкивались с игнорированием ходатайств, о которых идет речь в ч. 2 ст. 159 УПК РФ, причем 29 % адвокатов указали, что постоянно встречаются с отказом в удовлетворении тех ходатайств, в удовлетворении которых не может быть отказано. Результаты опросов подтверждаются и данными, приводимыми в литературе [6, 39].

Вышеописанная правоприменительная проблема существует, прежде всего, из-за низкой правовой культуры и даже правового нигилизма отдельных представителей правоохранительных органов, а также из-за отсутствия процессуальной санкции за описанные выше действия должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование. Очевидно, что для борьбы с этим незаконным явлением, по сути являющимся злоупотреблением процессуальными правами со стороны этих лиц, а одновременно и грубым попранием права на защиту и законное досудебное и судебное разбирательство, в законодательстве, регламентирующем процедуру судопроизводства, должна содержаться процессуальная санкция за подобные действия. Только в этом случае второй из предложенных вариантов решения проблемы регламентации права адвоката-защитника на участие в процессе доказывания может быть признан имеющим право на существование.

6. В п. 4 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре указывается, что адвокат вправе привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи. В п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ также отмечается профессиональное право адвоката-защитника привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 УПК РФ. Однако при действующей редакции

ст. 58 УПК РФ законодатель по непонятным причинам оставил без регламентации процессуальные аспекты привлечения специалиста к участию в деле со стороны адвоката-защитника и, тем самым, создал коллизию.

В п. 4 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре и п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ законодатель указал на право адвоката-защитника привлекать специалиста, при этом в ч. 2 ст. 58 УПК РФ он определил, что вызов специалиста и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяются статьями 168 и 270 УПК РФ. Но в этих нормах законодатель ни слова не сказал о том, что специалист может быть привлечен к участию в уголовном деле по инициативе адвоката-защитника. Так, в ст. 168 УПК РФ законодатель указал: «Следователь вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста в соответствии с требованиями части пятой статьи 164 настоящего Кодекса. Перед началом следственного действия, в котором участвует специалист, следователь удостоверяется в его компетентности, выясняет его отношение к подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему, разъясняет специалисту его права и ответственность, предусмотренные статьей 58 настоящего Кодекса». В ст. 270 УПК РФ законодатель указал: «...председательствующий разъясняет специалисту его права и ответственность, предусмотренные статьей 58 настоящего Кодекса, о чем специалист дает подписку, которая приобщается к протоколу судебного заседания». В связи с изложенным получается, что не только доказательственный статус заключения специалиста, установленный ч. 2 ст. 74 УПК РФ, но даже сама уголовно-процессуальная возможность привлечения адвокатом-защитником специалиста оказывается под сомнением.

Необходимо отметить, что в юридической литературе, рассматривая положения ст. 53, 58 и 168 УПК РФ, исследователи обращают внимание на то, что в настоящее время защитник, наряду со следователем, наделен правом привлекать специалиста к участию в следственных действиях для осуществления последних функций, возложенных на него законом. Из этого можно сделать вывод: следователь не может воспрепятствовать участию в следственном действии специалиста, приглашенного защитником, за исключением случаев, прямо указанных в УПК РФ (ст. 62 УПК РФ) [27].

Право защитника привлекать специалиста для участия в следственных и иных процессуальных действиях является одним из средств его участия в процессе собирания (формирования) доказательств, а само участие в этом специалиста

служит способом реализации правомочий защитника, предусмотренных ч. 3 ст. 86 УПК РФ. И если в ч. 1 ст. 168 УПК РФ говорится только о следственных действиях, то ч. 1 ст. 58 УПК РФ предусматривает возможность использования помощи специалиста во всех процессуальных действиях, что, исходя из буквального толкования положений УПК РФ, позволяет привлекать специалиста к любому процессуальному действию, производимому с участием защитника.

Несколько иные правила установлены для привлечения специалиста адвокатом-защитником в судебном разбирательстве. Согласно ч. 4 ст. 271 УПК РФ суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе лица в судебном заседании в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон, что является залогом реальной состязательности в суде при рассмотрении уголовных дел.

Наряду с этим, пробелом процессуально-правового регламентирования вопросов участия специалиста в уголовном процессе, а как следствие этого, и привлечения специалиста адвокатом-защитником, является то, что в УПК РФ отсутствует закрепление процессуального механизма получения показаний специалиста и совокупности требований, предъявляемых к его заключению. Отсутствие указанной процессуально-правовой регламентации снижает доказательственную ценность показаний и заключения специалиста и, следовательно, не позволяет в полной мере реализовывать профессиональное право адвоката-защитника на привлечение специалиста.

7. На основании п. 5 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре адвокат вправе беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей), без ограничения числа свиданий и их продолжительности.

Сопоставительный анализ положений УПК РФ и Закона об адвокатуре позволяет сделать вывод о том, что п. 3 ч. 4 ст. 46 и ч. 4 ст. 92 УПК РФ вступают в противоречие с п. 5 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре, поскольку в них, с одной стороны, не содержится указание на то, что свидания адвоката-защитника с подозреваемым не подлежат ограничению по их числу и продолжительности. С другой стороны, нормы УПК РФ содержат в себе возможность ограничения свидания адвоката-защитника, производимого до первого допроса подозреваемого, интервалом времени, равным двум часам.

В силу того, что положения п. 5 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре содержат больший объем прав,

чем ст. 46, 53 и ст. 92 УПК РФ, а также поскольку Закон об адвокатуре был принят позднее УПК РФ, и его предназначение состоит в специальном регулировании правового положения адвоката-защитника, нормы Закона об адвокатуре имеют приоритет над нормами УПК РФ, позволяющими ограничивать количество и продолжительность свидания адвоката-защитника с его подзащитным.

При разрешении коллизии между ст. 46, 53 и ст. 92 УПК РФ и п. 5 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре приоритет, в силу правовой позиции, сформулированной в Определении КС РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О и Определении от 21 октября 2008 г. № 673-О-О, должен отдаваться п. 5 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре, вследствие чего ограничение свиданий адвоката-защитника с подозреваемым по их числу и продолжительности, а также ограничение продолжительности свидания подозреваемого и его защитника на основании ч. 2 ст. 92 УПК РФ является не соответствующим Конституции РФ.

Согласно ст. 18 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» подозреваемым и обвиняемым предоставляются свидания с защитником с момента фактического задержания. Свидания предоставляются наедине и конфиденциально без ограничения их числа и продолжительности, за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ. Используемая в законе формулировка о том, что «свидания могут иметь место в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть их, но не слышать», породила то, что некоторые ученые и практики полагают, что право на конфиденциальность свидания может быть ограничено, поскольку в ст. 18 указанного выше закона речь идет лишь о сотрудниках мест содержания под стражей, а не о сотрудниках полиции, прокуратуры либо других государственных органов [17, 18]. Кроме того, сторонники этого подхода считают абсолютно законными проведение ОРМ в отношении адвоката или его подзащитного в процессе их конфиденциального свидания, при этом они основывают свою позицию на ряде положений Определения КС РФ по делу Паршуткина [33] и Определения по делу Черновой [35]. Этот подход на практике породил значительное количество фактов прослушивания разговоров адвокатов и их подзащитных, содержащихся в следственных изоляторах, в момент осуществления встреч между ними [2] и справедливую негативную реакцию на подобные действия со стороны представителей адвокатского сообщества [57].

Вряд ли следует согласиться с мнением тех исследователей и работников органов предварительного расследования, которые полагают, что возможность ограничения конфиденциальности свидания адвоката с подзащитным является допустимой. С указанным мнением согласиться нельзя хотя бы потому, что как раз в приводимом ими в обоснование своей позиции Определении Конституционного Суда РФ по делу Паршуткина отмечено, что «разъясняя основные ориентиры понимания и признания таких гарантий, Кодекс поведения для юристов в Европейском сообществе (принят 28 октября 1988 года Советом коллегий адвокатов и юридических сообществ Европейского союза в Страсбурге) относит к существенным признакам адвокатской деятельности обеспечение клиенту условий, при которых он может свободно сообщать адвокату сведения, которые не сообщил бы другим лицам» [20, 41]. Таким образом, возможность обеспечения доверителю условий, при которых он свободно может сообщать адвокату сведения, является важнейшим признаком адвокатской деятельности, а применительно к рассматриваемому нами вопросу речь идет как раз об этом, т. е. об обеспечении адвокату и его подзащитному условий для конфиденциального общения при отсутствии проведения во время этого общения ОРМ. Очевидно, что отсутствие этих самых условий либо внешнее присутствие их, но наличие тайного проведения в рамках ОРМ прослушивания разговора адвоката с его подзащитным, посягает на существенные основы адвокатской деятельности, так как вряд ли лицо стало бы делиться с адвокатом информацией по делу, если бы оно знало или допускало возможность, что эта информация не будет сохранена в тайне, что её могут записать, прослушать посторонние лица, а затем в дальнейшем её использовать, пусть и не в целях уголовно-процессуального доказывания.

Следует отметить, что в абз. 5 ст. 18 рассматриваемого ФЗ указывается, что «свидания с родственниками и иными лицами осуществляются под контролем сотрудников мест содержания под стражей и, в случае попытки передачи подозреваемому или обвиняемому запрещенных к хранению и использованию предметов, веществ и продуктов питания либо сведений, которые могут препятствовать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления, прерываются досрочно». Таким образом, закон не предполагает, что контроль за свиданием адвоката с подзащитным может подвергаться прослушиванию или оперативно-розыскному документированию [26, 54] либо

осуществляться иными лицами, кроме сотрудников мест содержания под стражей, что также указывает на несоответствие закону приведенной выше позиции об ограничении конфиденциальности общения адвоката с подзащитным. Кроме того, согласно ч. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре проведение ОРМ и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения. Хотя противники нашей позиции могут заявить примерно следующее: «Оперативно-розыскные мероприятия проводятся не в отношении адвоката, а в отношении его подзащитного».

С учетом вышеизложенного представляется, что для обеспечения конфиденциальности встреч адвоката с подзащитным именно в том смысле, который придается этому понятию Конституционным Судом РФ, необходимо указание в абз. 2 ст. 18 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» на то, что встречи подозреваемого или обвиняемого с его защитником могут иметь место в условиях, позволяющих не только сотруднику места содержания под стражей, но и иным лицам видеть их, но не слышать. Также требуется установление запрета на проведение ОРМ в отношении адвоката и подзащитного во время встречи адвоката с ним. Подобные уточнения требуется внести и в Закон об адвокатуре.

8. В соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре адвокату-защитнику предоставлено право фиксировать (в том числе с помощью технических средств) информацию, содержащуюся в материалах дела, по которому он оказывает юридическую помощь, соблюдая при этом государственную и иную охраняемую законом тайну. Однако профессиональное право адвоката-защитника, обозначенное в п. 6 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре, в ст. 53 УПК РФ или иных нормах УПК РФ детально не регламентировано, что создает дополнительные сложности в его реализации.

Вместе с этим, согласно п. 1 ч. 11 ст. 53 УПК РФ и положениям п. 7 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре, адвокат вправе использовать иные, не запрещенные УПК РФ средства и способы защиты, совершать иные действия, не противоречащие законодательству. Кроме того, в ч. 2 ст. 166 УПК РФ указывается на то, что при производстве следственного действия могут применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись, а в положениях данной нормы не указывается, что применять их вправе

только следователь и не вправе применять адвокат-защитник. В ч. 2 ст. 166 УПК РФ указано, что фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи хранятся при уголовном деле. Используемая в этой норме формулировка не исключает возможности предоставления адвокату-защитнику копий с соответствующих фотографий и записей.

Согласно Постановлению КС РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «отказ защитнику в ознакомлении с материалами следствия, которые были добыты с участием подозреваемого или стали ему известны иным образом до признания его подозреваемым, как и ограничение права защитника выписывать из материалов, с которыми он был ознакомлен до окончания следствия, любые сведения и в любом объеме, не имеют разумного основания, не могут быть оправданы интересами следствия или иными конституционно значимыми целями, допускающими соразмерные ограничения прав и свобод» [43]. Данная позиция применима и к вопросу об использовании адвокатом технических средств как для фиксации и копирования информации (для копирования или фотосъемки материалов уголовного дела), так и для фиксации хода и результатов процессуальных действий, в которых адвокат-защитник принимает участие.

Анализируя содержание положений ст. 166 УПК РФ, отметим, что адвокат-защитник помимо следственных действий в рамках предварительного расследования участвует еще и в процессуальных действиях. В литературе отмечается, что УПК РФ предусматривает три разновидности процессуальных действий: следственные, судебные и иные, предусмотренные УПК [44]. Процессуальные действия, производимые в ходе предварительного расследования, представляют собой действия, не направленные на собирание и проверку доказательств. К этим действиям следует относить, например, ознакомление с материалами уголовного дела, ознакомление с различными постановлениями, содержащими процессуальные решения, и т. п. [9, 12, 21, 28, 59]. При этом положения ст. 6 Закона об адвокатуре и ст. 53 УПК РФ не содержат в себе прямого указания на возможность применения адвокатом-защитником технических средств при проведении процессуальных действий. Вместе с этим, систематическое толкование положений Закона об адвокатуре и УПК РФ позволяет прийти к выводу о том, что использование адвокатом технических средств при участии в следственных или процессуальных действиях и при фиксации их хода и результатов разрешено (или, по крайней мере, не запрещено)

законом, поэтому запреты должностных лиц на использование адвокатом-защитником технических средств в ходе следственных или процессуальных действий не основаны на законе.

Для исключения необоснованных запретов на использование адвокатом технических средств для фиксации хода и результатов следственных и процессуальных действий было бы целесообразно закрепить в Законе об адвокатуре более развернутое описание соответствующего профессионального права в целях исключения ограничительного толкования содержащихся в нем нормативных установлений.

9. В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ с момента допуска к участию в уголовном деле адвокат-защитник вправе знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому. Исходя из буквального понимания вышеприведенного положения УПК РФ в совокупности с п. 6 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре, адвокат имеет право фотографировать и (или) копировать протоколы следственных действий, в которых он участвовал, а также протоколы следственных действий, которые предъявлялись или должны были предъявляться его подзащитному, в том случае, когда эти следственные действия были проведены до вступления адвоката-защитника в дело. Несмотря на это, адвокаты-защитники нередко сталкиваются с тем, что лица, осуществляющие предварительное расследование, не позволяют им снимать копии с протоколов следственных действий, произведенных с участием их подзащитного, или иных документов, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подзащитному.

Анализ материалов правоприменительной практики показывает, что следователи (дознаватели) в обоснование своей позиции ссылаются на то, что в ст. 6 Закона об адвокатуре и в п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ прямо не указывается, что адвокат-защитник имеет право делать выписки из данных документов или копировать их, поэтому отказ следователя в предоставлении адвокату соответствующих материалов уголовного дела для копирования, по их мнению, не является нарушением. Необоснованные запреты подобного рода связаны как с тем, что некоторые следователи (дознаватели) не желают предоставлять стороне защиты никакую информацию, с помощью которой она может эффективно реализовывать свою

процессуальную функцию, так и с тем, что они при отсутствии надлежащего контроля со стороны защиты могут фальсифицировать материалы уголовного дела. Подобные запреты, устанавливаемые сотрудниками правоохранительных органов, являются необоснованными и незаконными как в связи с содержанием п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ и п. 6 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре, так и в связи с указанием в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П на то, что «отказ защитнику в ознакомлении с материалами следствия, которые были добыты с участием подозреваемого или стали ему известны иным образом до признания его подозреваемым, как и ограничение права защитника выписывать из материалов, с которыми он был ознакомлен до окончания следствия, любые сведения и в любом объеме, не имеют разумного основания, не могут быть оправданы интересами следствия или иными конституционно значимыми целями, допускающими соразмерные ограничения прав и свобод (ст. 55 ч. 3 Конституции Российской Федерации)» [15]. Аналогичные доводы изложены и в Определении Конституционного суда РФ от 12 мая 2003 г. № 173-О [52].

Согласно ч. 2 ст. 16 УПК суд, прокурор и следователь обязаны обеспечивать обвиняемому возможность защищаться всеми не запрещенными УПК РФ способами и средствами, а исходя из содержания ч. 1 ст. 11 УПК РФ, эти должностные лица обязаны обеспечить адвокату-защитнику возможность осуществления его профессиональных прав. При этом в соответствии с п. 7 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре адвокат вправе совершать иные действия (помимо указанных в ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре), не противоречащие законодательству Российской Федерации. В п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ указывается, что адвокат-защитник вправе использовать иные не запрещенные настоящим УПК РФ средства и способы защиты. Анализ текста УПК РФ показывает, что в его нормах не содержится запрет на снятие копий с документов, с которыми адвокат вправе знакомиться на основании ст. 53 УПК РФ.

В ст. 55 Конституции РФ говорится о возможности ограничения прав и свобод человека только федеральным законом и только в целях защиты основ конституционного строя, других существенных целях, при этом федерального закона, содержащего запрет адвокату снимать копии с документов, с которыми адвокат вправе знакомиться, нет. Следует при этом учитывать, что лица, проводящие предварительное расследование, руководствуются, как правило, лишь УПК РФ (причем

нередко в достаточно своеобразной интерпретации его норм), не принимая во внимание ни Закон об адвокатуре, ни, тем более, Постановления КС РФ. Поэтому для повышения уровня правовой регламентации рассматриваемого профессионального права в тексте Закона об адвокатуре следует более детально регламентировать право адвоката-защитника на ознакомление с материалами дела, с которыми он вправе знакомиться в ходе предварительного расследования, и прямо разрешить снимать с них копии.

10. Согласно п. 7 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре адвокат вправе совершать иные действия (помимо указанных в ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре), не противоречащие законодательству Российской Федерации. В п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ также отмечается, что защитник вправе использовать иные, т. е. не перечисленные в тексте ст. 53 УПК РФ и не запрещенные УПК РФ, средства и способы защиты.

В вышеприведенных нормах законодателем употреблены разнопорядковые термины, поэтому из буквального их толкования получается, что п. 7 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре запрещает совершение адвокатом-защитником любых действий, противоречащих российскому законодательству, а УПК РФ несколько сужает положения п. 7 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре и содержит норму о запрете совершения только тех действий, которые представляют собой средства и способы защиты, прямо запрещенные УПК РФ.

В литературе отмечается, что формулировки ст. 46, 47, 53 УПК РФ «защищаться иными средствами и способами, не запрещенными настоящим Кодексом», или «использовать иные средства и способы защиты, не запрещенные настоящим Кодексом», предоставляют неоправданно широкий круг этих самых возможностей по защите прав обвиняемого (подозреваемого). Полагаем возможным согласиться с мнением о том, что в тексте УПК РФ необходимо указание на то, что средства и способы защиты не должны противоречить федеральному закону вообще, а не только УПК РФ [16].

Положения п. 7 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре и п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ могут и должны применяться не только для правового обоснования конкретных действий, но и при разрешении любых спорных вопросов, связанных с применением любых профессиональных прав адвоката-защитника. По сути положения этих правовых норм содержат в себе некую презумпцию, которую можно назвать «презумпцией наличия профессионального права адвоката-защитника». Причем

применять эти нормы необходимо именно в следующем смысле: если какие-либо отдельные аспекты, связанные с реализацией конкретных профессиональных прав адвоката-защитника, законом прямо не запрещены либо не регламентированы, адвокат вправе совершать соответствующие действия или требовать их совершения от должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

11. В соответствии с ч. 4 ст. 18 Закона об адвокатуре адвокат, члены его семьи и их имущество находятся под защитой государства. Органы внутренних дел обязаны принимать необходимые меры по обеспечению безопасности адвоката, членов его семьи, сохранности принадлежащего им имущества.

К мерам безопасности, которые в соответствии с действующим законодательством (ст. 6 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства») могут быть применены к адвокату-защитнику, его родственникам и близким, относятся личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы (службы) или учебы; временное помещение в безопасное место; применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое, а также другие меры безопасности.

Анализ действующего российского законодательства позволяет отметить, что юридико-техническая конструкция ч. 4 ст. 18 Закона об адвокатуре, как сама по себе, так и с учетом систематического толкования законодательства в сфере защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства, не может не вызывать нареканий.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в анализируемой норме обязанность по осуществлению государственной защиты адвоката и членов его семьи законом возлагается исключительно на органы внутренних дел. Однако на основании ч. 3 ст. 3 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» осуществление мер безопасности возлагается не только на органы внутренних дел, но и на органы федеральной службы безопасности, таможенные органы и

органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ по уголовным делам, находящимся в их производстве или отнесенным к их ведению, а также на иные государственные органы, на которые может быть возложено в соответствии с законодательством РФ осуществление отдельных мер безопасности. Так, например, соответствующие функции обязаны осуществлять не только органы внутренних дел на основании п. 11 ст. 2 ФЗ «О полиции», но и органы Федеральной службы безопасности на основании ст. 10 ФЗ «О федеральной службе безопасности», а также органы Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков на основании ст. 25 Положения «О Федеральной службе Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков». Таким образом, формулировка, употребленная в ч. 4 ст. 18 Закона об адвокатуре, не в полной мере соответствует положениям ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и иных нормативных актов.

Согласно ч. 4 ст. 18 Закона об адвокатуре к защищаемым субъектам относятся адвокат и члены его семьи. Однако системный анализ законодательства в сфере охраны участников уголовного судопроизводства показывает, что к субъектам, в отношении которых применяются меры защиты, относятся не только сами участники уголовного судопроизводства и члены их семьи, но и иные лица.

На основании ч. 3 ст. 2 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» государственной защите подлежат участники уголовного судопроизводства, а также близкие родственники, родственники и близкие лица, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на лиц, являющихся участниками уголовного судопроизводства. Наряду с этим, в ст. 295 УК РФ, устанавливающей ответственность за «посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование», в качестве потерпевших лиц указываются не только сами участники уголовного судопроизводства, но и их близкие. Аналогичный перечень потерпевших определен и в ст. 296 УК РФ, в которой установлена ответственность за «угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования».

Наряду с этим следует отметить, что в ФЗ «О полиции» нет прямого указания на то, что органы внутренних дел обязаны обеспечивать безопасность адвокатов. В п. 11 ст. 2 ФЗ «О полиции»

указывается, что одним из направлений деятельности полиции является «государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц». Из этого следует сделать два основных вывода:

1. Государственная защита адвоката как участника уголовного судопроизводства силами органов внутренних дел будет несколько затруднена по той причине, что адвокаты, в том числе и адвокаты-защитники, прямо не указаны в п. 11 ст. 2 ФЗ «О полиции».

2. Государственная защита полицией адвоката не в связи с его участием в уголовном судопроизводстве ФЗ «О полиции» прямо не предусмотрена, поэтому она может быть осуществлена на тех же основах, что и защита обычных граждан от преступных посягательств, что, по сути, сводит на нет положения ч. 4 ст. 18 Закона об адвокатуре. Не предусмотрена такая защита и в отношении адвоката, выполняющего функцию представителя свидетеля.

Таким образом, если охрана адвоката-защитника как участника уголовного судопроизводства со стороны органов внутренних дел возможна на основании положений ч. 3 ст. 11 УПК РФ, ч. 3 ст. 2 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и п. 11 ст. 2 ФЗ «О полиции», то государственная защита адвоката вне связи с его участием в уголовном судопроизводстве, несмотря на то, что о ней ведется речь в ч. 4 ст. 18 Закона об адвокатуре, является декларативной. По крайней мере, декларативным является желание законодателя: с одной стороны, он в ч. 4 ст. 18 Закона об адвокатуре подчеркивает особый статус адвоката, с другой стороны, мер, направленных на практическую реализацию гарантии, изложенной в этой правовой норме, он не предпринял.

Этот пробел необходимо устранить путем изменения п. 11 ст. 2 ФЗ «О полиции» в иной редакции. Естественно это изменение автоматически не решает вопрос, поставленный самим же законодателем в ч. 4 ст. 18 Закона об адвокатуре, однако оно создает предпосылку для последующего принятия специального Федерального закона «О государственной защите адвокатов» либо, наоборот, распространения действия ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» на адвокатов, не являющихся участниками уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. <http://pressa.irk.ru/sm/2008/17/020002.html>.
2. <http://www.fparf.ru/news/smi/54.htm>.
3. http://www.ng.ru/ideas/2011-05-23/9_femida.html.
4. Адвокатская деятельность и адвокатура: Сборник нормативных актов и документов / Под общ. ред. Е.В. Семеняко, Ю.С. Пилипенко. – М.: Информ-Право, 2010. – С. 358–365.
5. Адвокатское досье: Практич. пособ. / А.В. Чесноков, Е.С. Шугрина. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – С. 11.
6. Андреева Н., Липцер Е., Ставицкая А. Методические рекомендации по ведению защиты лица, в отношении которого есть основания предполагать, что оно является жертвой нарушения прав человека / Под общ. ред. К. Москаленко. – М., 2004. – С. 20.
7. Анисимов С. Отстранен от дела незаконно // Новая адвокатская газета. – 2012. – № 18 (131).
8. Баев М.О., Баева Н.А. Тактико-этические начала деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 251.
9. Балакшин В.С. Иные процессуальные действия как средства уголовно-процессуального доказывания // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 3. – С. 25–30.
10. Божьев В. Пятилетие уголовно-процессуального кодекса // Законность. – 2007. – № 1. – С. 10.
11. Буробин В., Плетнев В. Правовой режим адвокатской тайны. Понятие правового режима адвокатской тайны и его содержание // Закон и право. – 2006. – № 5. – С. 28.
12. Буров Ю.В., Насонова И.А. Процессуальные действия на этапе окончания предварительного следствия // Общество и право: Научно-практический журнал. – 2008. – № 3 (21). – С. 216–219.
13. Бюллетень ВС РФ. – 1990. – № 2. – С. 10.
14. Бюллетень ВС РФ. – 1992. – № 4. – С. 8–9.
15. Вестник Конституционного Суда РФ. – 2000. – № 5. – С. 46–52.
16. Волколуп (Гладышева) О.В. Система уголовного судопроизводства и проблема её совершенствования. – СПб., 2003. – С. 49–50.
17. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве: Учебник. – М.: Экзамен, 2005. – С. 30, 48, 52.
18. Гармаев Ю.П. Противодействие незаконным способам защиты на предварительном следствии // Российский следователь. – 2002. – № 8. – С. 16–19.
19. Дикусар В.М. Комментарий к статье 8 // Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» / Под общ. ред. И.Л. Трунова. – М.: Эксмо, 2005. – С. 49.
20. Дикусар В.М. Адвокатская тайна – необходимое условие существования адвокатуры и одновременно процессуальная гарантия полноты, объективности и состязательности судопроизводства // Адвокатура. Государство. Общество: Сб. материалов 6 ежегодной науч.-практ. конференции, 2009 г. / Федер. Палата адвокатов. Рос. Федерации. – М.: Информ-Право, 2009. – С. 45.
21. Елисеев Н.Г. Процессуальные действия // Закон. – 2007. – № 3. – С. 112–117.
22. Заключение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о практике следственных органов г. Москвы, нарушающей права адвокатов // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – 2010. – № 3 (29). – С. 53.
23. Защитник нуждается в защите // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – 2010. – № 3 (29). – С. 160.
24. Информационная справка о состоянии адвокатуры и адвокатской деятельности в 2009 г. // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – 2010. – № 2 (28). – С. 41.
25. Колосовский С. Вас еще не обыскали? Будьте готовы! // Новая адвокатская газета. – 2009. – № 20 (61).
26. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. – М.: Эксмо. – 2003. – С. 107.
27. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.В. Мозякова. – М., 2002. – С. 151.
28. Кузнецов А.Н. Следственные и иные процессуальные действия как способы собирания доказательств в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2005.
29. Лисицин Р. Что делать следователю, если защитник не явился на допрос // Российская юстиция. – 2000. – № 6. – С. 40–42.
30. Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юрист, 2001. – С. 230.
31. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1995. – С. 8.
32. Опасная профессия // АГ. – 2009. – № 3 (44).
33. Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 № 128-О «По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2001. – № 1.
34. Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 439-О «По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 2.
35. Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой» // Российская газета. – 1998. – № 152 (11 августа).
36. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 970-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаврилова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (Текст Определения официально опубликован не был) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.krsf.ru/Decision/Pages/default.aspx>.

37. Определение Конституционного Суда РФ от 23.09.2010 № 1146-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Узбекистан Эшонкулова Азамата Хатамбаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 49, 51 и 377 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx>.

38. Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-О по жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: // СЗ РФ. – 2003. – № 21. – Ст. 2060.

39. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: Монография. – М.: Проспект, 2009. – С. 83.

40. Пилипенко Ю.С. Адвокатская тайна: Законодательный, этический, правоприменительный аспекты. – М.: Информ-Право, 2009. – С. 243–245.

41. Полянский Н.Н. Правда и ложь в уголовной защите. – М.: Правовая защита, 1927. – С. 30.

42. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ФЗ от 8 мая 1994 г. «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»» // СЗ РФ. – 1996. – № 9. – Ст. 828

43. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Вестник Конституционного суда РФ. – 2000. – № 5.

44. Пристансков Д. Процессуальные гарантии // ЭЖ-Юрист. – 2005. – № 19.

45. Рагулин А.В. Некоторые аспекты признания доказательств, собранных по уголовному делу, недопустимыми // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве: Материалы Международной научно-практической конференции (Саранск, 7–8 декабря 2006 г.) / Редколл.: Л.Д. Калинин (отв. ред.), Н.Р. Мухудинова, О.А. Сухова. – Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2006. – С. 334–339.

46. Рагулин А.В. Общие положения учения о профессиональной защите по уголовным делам. – М.: Юрлитинформ, 2008. – С. 210–256.

47. Рагулин А.В. Правовой статус профессионального защитника как участника уголовного процесса: Учеб. пособ. – Уфа: Академия ВЭГУ: Восточный университет, – 2009. – С. 67–68.

48. Рагулин А.В. «Профессиональные права адвоката-защитника»: формулирование определения понятия // Адвокатская практика. – 2012. – № 4. – С. 21–25.

49. Рагулин А.В. К вопросу об определении понятия «профессиональные права адвоката-защитника» // Правовая инициатива. – 2011. – № 2. – С. 16.

50. Рагулин А.В. О совершенствовании законодательства в направлении охраны профессиональных прав адвокатов // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. – 2009. – № 4. – С. 14–19.

51. Рекомендации по обеспечению адвокатской тайны и гарантий независимости адвоката при осуществлении адвокатами профессиональной деятельности. Утверждены решением Совета ФПА РФ от 30 ноября 2009 г. // Адвокатская деятельность и адвокатура: Сборник нормативных актов и документов / Под общ. ред. Е.В. Семеняко, Ю.С. Пилипенко. – М.: Информ-Право, 2010. – С. 602.

52. Российская газета. – 2003. – № 135 (3249) (10 июля).

53. Руднев В.И. Проведение оперативно-розыскных и следственных действий в отношении адвокатов возможно на основании судебного решения // Адвокат. – 2004. – № 9.

54. Рыжаков А.П. Защитник в уголовном процессе: Науч.-практич. руководство. – М.: Экзамен, 2007. – С. 260–261.

55. Тихомиров М.Ю. Коллизионное право. – М., 2000.

56. Царев В.М. Эффективность участия защитника в доказывании на предварительном следствии. – Краснодар, 1990. – С. 97.

57. Чуркин А.В. О правомерности проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвоката во время конфиденциального свидания с подзащитным в условиях следственного изолятора либо ИВС // Адвокат. – 2006. – № 2.

58. Шайхуллин М.С. Принцип законности во взаимоотношениях адвокатуры и органов государственной власти // Евразийская адвокатура. – 2012. – № 1 (1). – С. 20–23.

59. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. – М.: Юрлитинформ, 2004.

References (transliterated)

1. <http://pressa.irk.ru/sm/2008/17/020002.html>.
2. <http://www.fparf.ru/news/smi/54.htm>.
3. http://www.ng.ru/ideas/2011-05-23/9_femida.html.
4. Advokatskaja dejatel'nost' i advokatura: Sbornik normativnyh aktov i dokumentov / Pod obshh. red. E.V. Semenjak, Ju.S. Pilipenko. – М.: Inform-Pravo, 2010. – С. 358–365.
5. Advokatskoe dos'e: Praktich. posob. / A.V. Chesnokov, E.S. Shugrina. – М.: Norma: Infra-M, 2011. – С. 11.
6. Andreeva N., Lipcer E., Stavickaja A. Metodicheskie rekomendacii po vedeniju zashhity lica, v otnoshenii kotorogo est' osnovanija predpolagat', chto ono javljaetsja zhertvoj narushenija prav cheloveka / Pod obshh. red. K. Moskalenko. – М., 2004. – С. 20.
7. Anisimov S. Otstranen ot dela nezakonno // Novaja advokatskaja gazeta. – 2012. – № 18 (131).
8. Baev M.O., Baeva N.A. Taktiko-jeticheskie nachala dejatel'nosti advokata-zashhitnika v ugovnom sudoproizvodstve. – М.: Jurlitinform, 2009. – С. 251.
9. Balakshin V.S. Inye processual'nye dejstvija kak sredstva ugovno-processual'nogo dokazyvanija // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2006. – № 3. – С. 25–30.
10. Bozh'ev V. Pjatiletie ugovno-processual'nogo kodeksa // Zakonnost'. – 2007. – № 1. – С. 10.

11. Burobin V., Pletnev V. Pravovoj rezhim advokatskoj tajny. Ponjatie pravovogo rezhima advokatskoj tajny i ego sodержanie // *Zakon i pravo*. – 2006. – № 5. – S. 28.
12. Burov Ju.V., Nasonova I.A. Processual'nye dejstvija na jetape okončanija predvaritel'nogo sledstvija // *Obshhestvo i pravo: Nauchno-praktičeskij zhurnal*. – 2008. – № 3 (21). – С. 216–219.
13. Bjulleten' VS RF. – 1990. – № 2. – S. 10.
14. Bjulleten' VS RF. – 1992. – № 4. – S. 8–9.
15. Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. – 2000. – № 5. – S. 46–52.
16. Volkolup (Gladysheva) O.V. Sistema ugovnogo sudoproizvodstva i problema ee sovershenstvovaniya. – SPb., 2003. – S. 49–50.
17. Garmaev Ju.P. Nezakonnaja dejatel'nost' advokатов v ugovnom sudoproizvodstve: Uchebnik. – M.: Jekzamen, 2005. – S. 30, 48, 52.
18. Garmaev Ju.P. Protivodejstvie nezakonnym sposobam zashhity na predvaritel'nom sledstvii // *Rossijskij sledovatel'*. – 2002. – № 8. – S. 16–19.
19. Dikusar V.M. Kommentarij k stat'e 8 // *Komentarij k Federal'nomu zakonu «Ob advokatskoj dejatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» / Pod obshh. red. I.L. Trunova*. – M.: Jeksmo, 2005. – S. 49.
20. Dikusar V.M. Advokatskaja tajna – neobhodimoe uslovie sushhestvovaniya advokatury i odnovenno processual'naja garantija polnoty, obektivnosti i sostjazatel'nosti sudoproizvodstva // *Advokatura. Gosudarstvo. Obshhestvo: Sb. materialov 6 ezhegodnoj nauch.-prakt. konferencii, 2009 g. / Feder. Palata advokатов. Ros. Federacii*. – M.: Inform-Pravo, 2009. – С. 45.
21. Eliseev N.G. Processual'nye dejstvija // *Zakon*. – 2007. – № 3. – S. 112–117.
22. Zaključenje Upolnomochennogo po pravam čeloveka v Rossijskoj Federacii o praktike sledstvennyh organov g. Moskvy, narushajushhej prava advokатов // *Vestnik Federal'noj palaty advokатов Rossijskoj Federacii*. – 2010. – № 3 (29). – S. 53.
23. Zashhitnik nuzhdaetsja v zashhite // *Vestnik Federal'noj palaty advokатов Rossijskoj Federacii*. – 2010. – № 3 (29). – S. 160.
24. Informacionnaja spravka o sostojanii advokatury i advokatskoj dejatel'nosti v 2009 g. // *Vestnik Federal'noj palaty advokатов Rossijskoj Federacii*. – 2010. – № 2 (28). – С. 41.
25. Kolosovskij S. Vas eshhe ne obyskali? Bud'te gotovy! // *Novaja advokatskaja gazeta*. – 2009. – № 20 (61).
26. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii. – M.: Jeksmo. – 2003. – S. 107.
27. Kommentarij k. Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Pod red. V.V. Mozjakova. – M., 2002. – S. 151.
28. Kuznecov A.N. Sledstvennye i inye processual'nye dejstvija kak sposoby sobiraniya dokazatel'stv v ugovnom processe: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Voronezh, 2005.
29. Lisicin R. Chto delat' sledovatelju, esli zashhitnik ne javilsja na dopros // *Rossijskaja justicija*. – 2000. – № 6. – S. 40–42.
30. Mal'ko A.V. Teorija gosudarstva i prava: Uchebnik. – M.: Jurist', 2001. – S. 230.
31. Neznamova Z.A. Kollizii v ugovnom prave: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. – Ekaterinburg, 1995. – S. 8.
32. Opasnaja professija // *AG*. – 2009. – № 3 (44).
33. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 06.07.2000 № 128-O «Po zhalobe grazhdanina Parshutkina Viktora Vasil'eviča na narušenie ego konstitucionnyh prav i svobod punktom 1 časti vtoroj stat'i 72 UPK RSFSR i stat'jami 15 i 16 Polozhenija ob advokature RSFSR» // *Vestnik Konstitucionnogo Suda RF*. – 2001. – № 1.
34. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 08.11.2005 № 439-O «Po zhalobe grazhdan S.V. Borodina, V.N. Burobina, A.V. Bykovskogo i drugih na narušenie ih konstitucionnyh prav stat'jami 7, 29, 182 i 183 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // *Vestnik Konstitucionnogo Suda RF*. – 2006. – № 2.
35. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14 ijulja 1998 g. № 86-O «Po delu o proverke konstitucionnosti otdel'nyh polozhenij Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoj dejatel'nosti» po zhalobe grazhdanki I.G. Chernovoj» // *Rossijskaja gazeta*. – 1998. – № 152 (11 avgusta).
36. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16 ijulja 2009 g. № 970-O-O «Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanina Gavrilova Aleksandra Mihajloviča na narušenie ego konstitucionnyh prav punktom 3 časti tret'ej stat'i 56 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» (Tekst Opredelenija oficial'no opublikovan ne byl) .Jelektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx>.
37. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23.09.2010 № 1146-O-O «Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanina Respubliki Uzbekistan Jeshonkulova Azamata Hatambaeviča na narušenie ego konstitucionnyh prav polozhenijami statej 49, 51 i 377 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://www.ksrf.ru/Decision/Pages/default.aspx>.
38. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 6 marta 2003 g. № 108-O po zhalobe grazhdanina Cickishvili Givi Vazhevich na narušenie ego konstitucionnyh prav punktom 2 časti tret'ej stat'i 56 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: // *SZ RF*. – 2003. – № 21. – St. 2060.
39. Petruhin I.L. Opravdatel'nyj prigovor i pravo na rehabilitaciju: Monografija. – M.: Prospekt, 2009. – S. 83.
40. Pilipenko Ju.S. Advokatskaja tajna: Zakonodatel'nyj, jetičeskij, pravoprimenitel'nyj aspekty. – M.: Inform-Pravo, 2009. – S. 243–245.
41. Poljanskij N.N. Pravda i lozh' v ugovnoj zashhite. – M.: Pravovaja zashhita, 1927. – S. 30.
42. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 20 fevralja 1996 g. № 5-P «Po delu o proverke konstitucionnosti otdel'nyh polozhenij FZ ot 8 maja 1994 g. «O statuse deputata Soveta Federacii i statuse deputata Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii»» // *SZ RF*. – 1996. – № 9. – St. 828
43. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27 ijunja 2000 g. № 11-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij časti pervoj stat'i 47 i časti vtoroj stat'i 51 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RSFSR v svjazi s zhaloboj grazhdanina V.I. Maslova» // *Vestnik Konstitucionnogo suda RF*. – 2000. – № 5.
44. Pristanskov D. Processual'nye garantii // *JeZh-Jurist*. – 2005. – № 19.

45. Ragulin A.V. Nekotorye aspekty priznaniya dokazatel'stv, sobrannyh po ugovolnomu delu, nedopustimyimi // Obespechenie zakonnosti v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Saransk, 7–8 dekabrya 2006 g.) / Redkoll.: L.D. Kalinkina (otv. red.), N.R. Muhudinova, O.A. Suhova. – Saransk: Mordovskoe kn. izd-vo, 2006. – S. 334–339.

46. Ragulin A.V. Obshhie polozheniya ucheniya o professional'noj zashhite po ugovolnym delam. – M.: Jurlitinform, 2008. – S. 210–256.

47. Ragulin A.V. Pravovoj status professional'nogo zashhitnika kak uchastnika ugovolnogo processa: Ucheb. posob. – Ufa: Akademiya VJeGU: Vostochnyj universitet, – 2009. – S. 67–68.

48. Ragulin A.V. «Professional'nye prava advokata-zashhitnika»: formulirovanie opredeleniya ponjatija // Advokatskaja praktika. – 2012. – № 4. – S. 21–25.

49. Ragulin A.V. K voprosu ob opredelenii ponjatija «professional'nye prava advokata-zashhitnika // Pravovaja iniciativa. – 2011. – № 2. – S. 16.

50. Ragulin A.V. O sovershenstvovanii zakonodatel'stva v napravlenii ohrany professional'nyh prav advokатов // Uchenye trudy Rossijskoj Akademii advokatury i notariata. – 2009. – № 4. – S. 14 – 19.

51. Rekomendacii po obespecheniju advokatskoj tajny i garantij nezavisimosti advokata pri osushhestvlenii advokatami professional'noj dejatel'nosti. Utverzhdeny reshe-

niem Soveta FPA RF ot 30 nojabrya 2009 g. // Advokatskaja dejatel'nost' i advokatura: Sbornik normativnyh aktov i dokumentov / Pod obshh. red. E.V. Semenjako, Ju.S. Pilipenko. – M.: Inform-Pravo, 2010. – S. 602.

52. Rossijskaja gazeta. – 2003. – № 135 (3249) (10 ijulja).

53. Rudnev V.I. Provedenie operativno-rozysknyh i sledstvennyh dejstvij v otnoshenii advokатов vozmozhno na osnovanii sudebnogo reshenija // Advokat. – 2004. – № 9.

54. Ryzhakov A.P. Zashhitnik v ugovolnom processe: Nauch.-praktich. rukovodstvo. – M.: Jekzamen, 2007. – S. 260–261.

55. Tihomirov M.Ju. Kollizionnoe pravo. – M., 2000.

56. Carev V.M. Jeffektivnost' uchastija zashhitnika v dokazyvanii na predvaritel'nom sledstvii. – Krasnodar, 1990. – S. 97.

57. Churkin A.V. O pravomernosti provedenija operativno-rozysknyh meroprijatij v otnoshenii advokata vo vremja konfidencial'nogo svidaniya s podzashhitnym v uslovijah sledstvennogo izoljatora libo IVS // Advokat. – 2006. – № 2.

58. Shajhullin M.S. Princip zakonnosti vo vzaimootnoshenijah advokatury i organov gosudarstvennoj vlasti // Evrazijskaja advokatura. – 2012. – № 1 (1). – S. 20-23.

59. Shejfer S.A. Sledstvennye dejstvija. Osnovaniya, processual'nyj porjadok i dokazatel'stvennoe znachenie. – M.: Jurlitinform, 2004.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы рады представить вашему вниманию
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

Деятельность нашего института направлена на разработку актуальных проблем юридической науки в евразийском правовом пространстве. Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования в области государственно-правовых наук, международного права, адвокатуры и нотариата, социологии права, политологии, интерэкоправа, изучает закономерности правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, разрабатывает на этой основе практические рекомендации, принимает участие в разработке законопроектов, содействует повышению профессионального уровня юристов, организует и участвует в проведении научных мероприятий, оказывает консультационные услуги в области права, а также редакционно-издательские услуги.

Приглашаем вас к сотрудничеству!

Контактная информация

Website: www.eurasniipp.ru E-mail: info@eurasniipp.ru Телефон: +7-903-31-257-90